

"Раечка"

К 85-летию со дня рождения Р.М. Сергиенко

Первый спектакль, увиденный мною в Ла Скала, — "Аида". Он принес и радость встречи с высоким искусством Оперы, и... удивление: Аиду пела хорошая певица, но наша Раиса Сергиенко не только ни в чем ей не уступала, — она была лучше! И красотой, и звучностью голоса, и эмоциональностью. В это трудно было поверить: ведь у нас "периферия", а там — Мекка вокального искусства... И тем не менее...

Пожалуй, не было в Одессе в 50-80-е годы XX столетия оперной певицы более популярной, чем Сергиенко. Она — по праву таланта и вдохновенного труда — была первой (и как потом оказалось, единственной) артисткой города, удостоенной высшего почетного звания. И все-таки не это, по-моему, самое важное. Ее любили слушатели, ее чтили и продолжают чтить, несмотря на то, что прошло более полутора десятилетий после трагически раннего ухода певицы. Недавно мне прислали номер газеты "Одесский маяк" из Лос-Анжелеса со статьей о Раисе Михайловне. Ее поминают добрым словом и в Австралии, Канаде, Германии, Израиле — везде, где разбросаны судьбой люди, которым посчастливилось узнать и полюбить искусство замечательной певицы, имя которой по дарованию и свершениям вошло в историю украинского оперного искусства.

Сейчас модно искать свои "дворянские корни", говорить об элитарности искусства, снисходительно улыбаться, когда вспоминают еще недавно столь популярную формулу "искусство принадлежит народу"... Наверное, оно не должно никому "принадлежать", но без живительной связи с демократической аудиторией искусство не может существовать... Если современные "мэтры" (и особенно "сантимэтры") тешат себя рассуждениями о "парении в эмпириях", то Чайковский, например, мечтал о том, чтобы его музыка стала "достоянием — при благоприятных условиях — всего народа". А Верди, Глинка, Пушкин, Толстой, Шаляпин, Баттистини, Рурффо, Нежданова и многие другие деятели мировой культуры видели силу ее в единении с народом, о котором некоторые "прогрессисты" говорят сегодня если не с презрением, то снисходительно.

Раиса Сергиенко родилась в 1925 году в Новоукраинке в семье, профессионально с музыкой не связанной. Но родители любили музыку, участ-

вовали в художественной самодеятельности и привлекли к ней Раю, увлеченно внимавшую народным песням.

Девушка впервые услышала оперу, когда в Новоукраинку приехал специальный железнодорожный вагон с одесскими артистами и декорациями "Паяцев". Спектакль произвел на Раису большое впечатление, но тогда ей и в голову не могло прийти, что спустя несколько лет она станет певицей, которой посчастливится петь в одних спектаклях с услышанными ею корифеями оперного искусства.

В то время Раиса Сергиенко готовилась стать педагогом-филологом. Чувствовала она себя не очень уютно: вынужденное пребывание в оккупации отбросило тень на все мироощущение, породило смутное чувство "вины". После окончания войны она вышла замуж за В.А. Стратонова, чья забота и энергия помогли ее становлению. Когда Сергиенко приехала в Одессу на смотр художественной самодеятельности, Стратонов добился прослушивания жены в консерватории. Сама О.Н. Благовидова благословила Сергиенко на поступление в вуз, который та окончит с отличием. Ее имя занесли на мраморную Доску почета, где оно расположилось рядом с именами Ойстраха, Гилельса, Гришко, Зака, Данькевича, Чавдар, Христин, Олейниченко, Поливановой. В консерваторские годы Сергиенко принимала участие в сценах из опер "Снегурочка" (Купава), "Свадьба Фигаро (Графиня)", "Русалка" (Наташа) в студенческих постановках оперной студии.

Профессор Н.Д. Покровский, тогда главный дирижер Одесского театра оперы и балета, пригласил Сергиенко в труппу. Она блестяще дебютировала в партии Наташи в "Русалке" Даргомыжского. Ее партнерами были мастера одесской оперы И. Тоцкий (Мельник), Н. Топчий (Князь). Иван Корнилович сказал ей: "Девочка, у тебя большой голос, ты затрачиваешь много сил. Никогда не соглашайся петь на следующий после спектакля день: потеряешь голос и никому не будешь нужна". Певицу приняли доброжелательно маститые коллеги, восторженно — зрители. За нею закрепилось еще с консерваторских лет имя Раечка, как вскоре за Галиной Олейниченко — Галочка. Их так называли и в театре, и зрители с первых шагов и до последних на сцене. Подобное обращение становится своеобразным титулом, который нельзя присвоить. Это выше официальных званий. У обеих певиц сразу же образовался круг почитателей, именуемых в просторечии "сырами". Это привилегия не многих артистов.

Так сложилось, что соперницей Сергиенко на полтора десятилетия стала талантливая певица Галина Поливанова, которая позднее призна-

лась мне, что специально приходила в театр, когда Сергиенко пела в "Русалке", и слушала ее из-за кулис. Это признание "дорогого стоит". Раечку полюбили строгие и небеспристрастные ценители — артисты хора, оркестранты.

Маэстро Покровский любил и оберегал молодую исполнительницу, заботясь о ее естественном, постепенном творческом развитии. При этом Сергиенко интенсивно осваивала новый репертуар. Работала щедро, пела всегда эмоционально, неизменно находя путь к сердцам слушателей. Природа одарила ее редким голосом — мощным и теплым лирико-драматическим сопрано полного диапазона, красивого тембра, сохранившегося во всех регистрах. Его насыщенное звучание сочеталось с полетностью. Исполнение неизменно отличалось взволнованностью, искренностью. Е.К. Катульская (знаменитая певица и педагог, к слову, уроженка Одессы) определяла пение как "повышенное душевное состояние". Эти слова по праву могли быть применены к искусству Сергиенко, которое захватывало с первых же звуков, спетых певицей, всегда создавало в зале приподнятое настроение.

Певцам с большими голосами нередко свойственно утрированное пение, пренебрежение авторскими указаниями. Сергиенко никогда не любовалась "звучком", не "ставила" фермат вопреки замыслу композитора, не пела "на публику": от этого ее надежно оберегал природный вкус, школа, полученная в классе С.И. Щавинской, ученицы знаменитого В.А. Селявина.

К.С. Станиславский призывал певцов петь не "голые ноты", а "ноты-мысли". Сергиенко, как мне думается, пела "ноты-чувства", из которых рождались мысли. Стихия ее дарования — глубокий искренний лиризм, "истина страстей". Исполнение певицы отличалось не только верностью замыслу композитора, но и чутким вниманием к слову: она всегда бережно доносила до слушателей текст. У нее была чистая дикция: Р. М. уделяла большое внимание согласным, произнося их так же четко, как гласные, — искусство, редкое среди вокалистов.

Творческий метод Сергиенко-актрисы был основан на принципах корифеев русского и украинского театра. Следуя мудрому совету В.И. Немировича-Данченко в каждой роли исходить из самого себя, искать себя в каждом герое, Сергиенко на сцене (да и в жизни) была чужда вычурности, манерности. Ее отличала та высокая простота, "которая приходит лишь к артистам, бережно и бескорыстно преданным искусству, влюбленным в него до самозабвения" (Мария Заньковецкая). Она наследовала

творческие достижения прославленных деятелей украинского театра Садовского, Саксаганского, Крушельницкой, Кипоренко-Доманского, Петрусенко, Гайдай...

Михаил Чехов говорил: "Слушайте голос, и вы узнаете человека". Мне представляется, что секрет успеха Сергиенко заключался и в ее человеческих качествах, отражавшихся в сценических созданиях. Воспитанник нашей консерватории М. Гришко уже в ранге признанного мастера украинской оперы писал о Сергиенко: "У нее подлинное профессиональное мастерство, теплота, задушевность, все это очаровывает, трогает до глубины души. Она всегда украшение спектакля. Это настоящая певица, достойная большой сцены".

У Раисы Михайловны был обширный репертуар. Многие удаchi Сергиенко связаны с музыкой Чайковского. Это, прежде всего, Иоланта, которая была у нее очень трогательна и обаятельна. Но Р. М. создавала образ не "бедняжки", которую "жестокая и злобная судьба дара драгоценного лишила", а молодой женщины, способной на глубокое чувство и самопожертвование ради любви.

Не знаю, была ли знакома Сергиенко со словами Чайковского о душе Татьяны, "полной чистой женственной красоты", но именно такой была ее героиня. В облике Лизы в "Пиковой даме" Раиса Михайловна, вслед за Держинской, подчеркивала не "демонические" страсти, а "теплоту и боль женского сердца". Она была замечательной Марией в "Мазепе". Вот уже сколько десятилетий прошло, а в памяти живет исполнение певицей колыбельной Марии в финале оперы.

С успехом пела Сергиенко Ольгу в "Псковитянке", Милитрису в "Сказке о царе Салтане". Ее большой удачей стала Ярославна в "Князе Игоре". В многогранном образе, созданном исполнительницей, лирические грани соседствовали с героическими. Впервые Р. М. спела Ярославну в день своего рождения 13 июля 1965 г. в гастрольном спектакле солиста Большого театра Ивана Петрова, исполнявшего Галицкого. В дневнике она запишет: "Успех был большой, много цветов... Иванов (Евгений Николаевич, известный бас, педагог. — **В. М.**) меня очень хвалил... 13 лет не решалась спеть Ярославну, но, слава Богу, все благополучно".

Особо были близки Сергиенко персонажи в украинских операх. Тридцать (!) лет пела она Одарку. Впервые вышла на сцену в "Запорожце" через два года после гастролей на одесской сцене легендарного дуэта М. Литвиненко-Вольгемут и И. Паторжинского. И хотя трактовка Литвиненко представлялась идеально слившейся с музыкой и пьесой, Сергиен-

ко удалось ни в чем не повторить предшественницу, создать свой образ: она акцентировала женское обаяние "молодыци", смекалку, чувство юмора. С блеском проводила Р. М. знаменитый дуэт первого акта (ее первым партнером был Н.П. Савченко, а затем на долгие годы Е.Н. Иванов, любимый коллега и друг, и А.П.Рихтер). С какой легкостью, удалью буквально пролетала по авансцене Одарка-Сергиенко в третьем акте!..

Мне рассказывали, что Раиса Михайловна, как многие сельские девушки, очень любила прыгать через костер. Во время гастролей театра в области в этих игрищах ее партнерами были парни — артисты балета.

В 1954 году она впервые спела Наталку: "Люблю Наталку, по душе она мне... Пела премьеру очень-очень хорошо" (тоже запись в дневнике; специально хочу подчеркнуть, что это беспощадный дневник, в нем отмечены все неудачи с редкой прямоотой, это следует иметь в виду, читая цитируемые фрагменты, где запечатлена радость исполнительницы).

Конец 1975 года ознаменовался премьерой "Катерины" Аркаса: "Полубила эту партию с первого урока... Успех большой... На все спектакли иду с удовольствием".

Да, славянская музыка была близка Сергиенко, но она показала себя мастером перевоплощения, когда обращалась к операм мировой классики, где уже не могла опираться на собственный опыт, на свою природу. Одна из вершин Сергиенко актрисы и певицы — Аида. Возможно, это связано с отмеченной Г. Ларошем особенностью оперы: "Музыка Верди в "Аиде" непроизвольно приняла несколько русский характер... На богатую почву его таланта пали кое-какие глинкинские семена".

Аида-Сергиенко не раба: гордый и благородный дух ее отражается во взгляде, который она прячет от соперницы, боясь выдать свои чувства. Но певица не подчеркивала и царственность героини. Венец и трон для нее менее важны, чем свобода, дающая право на любовь... Финал сцены на площади. Соперница торжествует, горе Аиды безмерно. Как передать его, если Верди написал великолепный, но такой плотный ансамбль, в котором заняты все герои, хор, оркестр? Голос Сергиенко пробивал мощный звуковой массив, ибо в нем билась боль, отчаяние сердца Аиды...

У Сергиенко никогда не было "пустых" мест. Даже если ее героиня молчала, она жила. Снова вспоминается сцена на площади. Возвращение триумфаторов. Аида в стороне, у подножия трона, все внимание постановщика отдано победителям. Но мы не можем не следить за героиней Сергиенко, оторваться от ее огромных лучистых глаз, передающих сложную гамму чувств...

Однажды увидев, невозможно было забыть слезы ее Аиды, Джоконды, Чио-Чио-сан, Манон, Тоски... Казалось, что это о ней сказано: "Над вымыслом слезами обольюсь". Ее слезы были искренни, но они не мешали пению. Зрители не могли не сопереживать героиням певицы. Многие плакали на ее спектаклях... Согласитесь, это не часто встречается на практике, а не в умозрительных публикациях.

Знала певица признание и больших профессионалов: А. Пирогова (они пели вместе в "Русалке"), А. Кривчени ("Запорожец"), Б. Гмыри, З. Анджапаридзе, К. Зариня, З. Бабия, В. Третьяка. Гордилась, когда Н. Покровский сказал, что она поет "большого Верди", когда ее одобрил Е. Иванов ("сам Женя меня хвалил"), когда приходили поздравлять с успехом Г. Проваторов, О. Благовидова, Я. Воцак, Г. Поливанова...

Знала она и официальное признание: вторая премия Всесоюзного конкурса 1956 года (первая у Г. Олейниченко, среди лауреатов третьей премии Б. Руденко, Г. Поливанова), звание заслуженной артистки в следующем году ("когда услышала по радио указ, начала бегать по квартире, плакать"), народной республики ("счастью нет предела, счастье захлестнуло"), народной Союза ("Я об этом думать боялась, а случилось, плакала, рыдала... Нет, недаром отдаю театру всю жизнь.... Господи, спасибо!").

Ее чтили самые взыскательные в театре люди — артисты хора и оркестра. Собинов писал: "Когда вместе с залом аплодируют и хор, и оркестр, и рабочие сцены, вот это значит, что искусство исполнило свою священную заповедь: оно дошло до человеческой души". На чествовании Сергиенко в связи с присвоением ей звания народной артистки страны прозвучало приветствие артистов хора и оркестра:

...За труд твой огромный спасибо, за радость работы с тобой,
За то, что ты просто товарищ, член нашей семьи трудовой...

...И пусть всегда на нашей сцене звучит прекрасный голос твой,
А что касается оркестра, ты пой, а мы всегда с тобой.

От солистов ее приветствовала отличная певица и прекрасный человек (позднее она трагически погибнет в автокатастрофе) Ася Глинкина:

Мы все хотим тебя поздравить
И искренне, сердечно пожелать

Всегда красивой быть, всегда звучать,
Прелестной ножкой сильный пол пленять
И никогда не унывать.

У Раисы Михайловны было много почитателей. В их числе профессор медицины, пианист, дирижер А.М. Сигал, педагог и скрипач А.М. Баренбойм, посвятивший певице талантливый акростих:

Смогли Вы воплотить в Елизавете
Единство чувства, мысли, красоты,
Роднят актрису с королевой эти
Гармонией рожденные черты.
И кто ж родству подобному не рад?
Едва ли есть удел на свете краше:
Надев опять свой будничный наряд,
Корону царскую вернув на склад, —
Остаться все ж властительницей нашей!

(Елизавета Валуа — героиня оперы Верди "Дон Карлос")

Р. М. знала и международное признание. Один из пиков — гастроль на сцене Бухарестской оперы, где она пела Аиду со всемирно известными вокалистами З. Палли (Амнерис) и Г. Зобианом (Радамес). Из рецензии: "В заглавной роли певица Сергиенко пленила слушателей теплым голосом прекрасной красоты, мастерством сценической игры. В ариях и дуэтах она показала себя мастером высокого класса... Спектакль стал ярким событием высочайшего уровня". Когда журналисты спросили, какая у нее школа, Гарбис Зобиан опередил Сергиенко: "Мама".

В архиве певицы бережно хранилось приглашение в Большой театр, которым она не воспользовалась: в ее трудовой книжке только одна запись — "Одесский театр балета". Она была верной женой, другом, преданной дочерью, матерью, бабушкой.

Н.Д. Покровский рассказывал мне, что встретил однажды плачущую Раису Михайловну: "Нужно ехать на зарубежные гастроли, а кто будет обеспечивать быт семьи?". "Обычно люди плакали, если их не посылали на гастроли", — заметил Николай Дмитриевич...

Она и Галина Поливанова были соперницами на сцене, возможно, они не испытывали теплых взаимных чувств, но их отношение к делу было достойно уважения и подражания: обе НИКОГДА не подводили друг друга —

старались заблаговременно предупреждать о необходимости замены, чтобы не поставить в неловкое положение коллегу...

Раиса Михайловна умела дружить. С какой теплотой говорила мне о ней концертмейстер Анна Владимировна Черткова, с которой Раису Михайловну связывали многолетние искренние, доброжелательные отношения (сама А. В. была высокопрофессиональным музыкантом и светлым человеком, так много доброго сделавшим для театра за шесть десятилетий честного труда)!

Сколько тепла отдавала Сергиенко больной внучке! Не случайно та умерла вскоре после того, как ушла из жизни Раиса Михайловна, ибо лишилась опоры...

Когда уходила навсегда сама Раиса Михайловна, раздался звон колоколов. Некоторые удивлялись: "Как это? Она ведь член партии". Да, она была членом партии, ибо разделяла идеи (увы, не все "партийцы" жили в согласии с идеями), но чего греха таить: без членства в партии не было бы хода таланту, официального признания... Всю сознательную жизнь Сергиенко была истинно верующим человеком. И это уживалось в ней, как, например, у И.С. Козловского, Н.С. Голованова, А.В. Неждановой, академика В.П. Филатова и других честных людей, вынужденных скрывать свою веру. В этом отношении показательны дневники Раисы Михайловны.

"...5 мая 1975 года первый спектакль после смерти моей золотой, дорогой, любимой Мамочки... Нет слов, чтобы выразить скорбь и муки... Она жила моими успехами и радостями. Всегда говорила мне: "Пой, моя ненаглядная, с Богом!" Я и пою с Богом..."

...Сергиенко очень любила море, до самозабвения. А.М. Баренбойм посвятил ей и такие строчки:

И годы, и штормы, и холод
Для Вас не помеха,
Ведь к Вашим услугам в любую погоду
И музыки море, и море успеха.

Однажды она записала: "купалась в Божьем море". Другой раз: "На море была с 8 до 10, купалась от души, считая, что спектакль у меня вечерний. Потом не спеша зашла в магазин. Пришла домой в 11 часов 22 минуты. И тут же звонок: "Почему дома? В 12 спектакль!" Что со мной было! Бежала всю дорогу. В 12 была в театре, сперва как в тумане. Спектакль прошел отлично, слава Богу. А если бы задержалась?!".

Она была чутким человеком. Никогда не забывала принести после премьеры торт одевальщицам, отмечала знаки внимания к себе: "...Пришла в гримуборную уборщица с каллами"... "Пришел мальчик, принес первые цветы"... "Сигал (Александр Маркович был почитателем Сергиенко и старался не пропускать спектакли с ее участием, особенно "Манон Леско". — **В. М.**) передал альпийские фиалки". "А. М. прислал розы"... "Заходила Ира Брагинцева (в прошлом известная солистка оперы, забываемая Татьяна и просто очень добрый человек. — **В. М.**) поздравить с успехом"... "Маэстро Проваторов благодарил за спектакль"... "Приходил В., святой человек, как он сочувствовал мне, когда было худо..."

Очень волновалась перед спектаклями. Приходила в театр задолго до начала. Как вспоминала ее коллега, ныне профессор консерватории Алиса Джамагорцян, с которой они делили гримуборную, Раечка всегда приносила талисман — это был незатейливый "петушок". Радость приходила к певице к концу представления. Появлялось желание... повторить спектакль. Это она сама рассказывала мне...

Она была ранима. Горько пришлось Раисе Михайловне, когда появилась соперница Т. с очень трудным характером: забирала спектакли, лишила на целое десятилетие премьер... Дело доходило даже до оскорбительных курьезов: та требовала, чтобы ее фамилия стояла в программках первой — вопреки алфавиту. На гастролях Одесского театра в Москве первый спектакль "Аиды", на котором ожидалось присутствие журналистов, телевидения, отдали действительно хорошей исполнительнице Т., назначив Сергиенко на второй. Но так случилось, что СМИ прибыли в Кремлевский дворец, на сцене которого гастролеровали одесситы, на второй спектакль. Раечку в грубой форме лишили запланированного участия в нем. Трудно, больно читать описание этой этически неловкой ситуации в дневнике Раисы Михайловны...

К жизни Сергиенко в театре можно применить слова М. Максаковой о Е. Каткульской: "Ей пришлось пережить немало огорчений, подчас несправедливости, потому что не обладала иным оружием, кроме своего искусства. Но именно оно и помогло преодолеть все "колючки" и заставило всех преклониться перед нею, ее поистине рыцарским отношением к делу своей жизни".

Прошло три с половиной десятилетия, и можно рассказать об одном эпизоде. Отмечалось 50-летие Сергиенко. Дирекция предложила ей спектакль — "Запорожец за Дунаем". Она была в нем очаровательна. Но недоброжелатели твердили, что певица потеряла форму, необходимую для ис-

полнения вершин оперного искусства. Я предложил в один вечер показать трех ее героинь — Ярославну (первый акт "Князя Игоря"), Тоску (второй акт оперы Пуччини), Одарку (третий акт "Запорожца за Дунаем"). Дирекция сопротивлялась. Я буквально заставил ее настоять на предлагаемом. Спектакль прошел очень успешно. Сергиенко сердечно благодарила меня. Мы с женой не пошли на банкет, чтобы не вызывать неудовольствие по отношению к Р. М. власть державших в театре, которых всегда раздражало мое независимое поведение (писал только то, что думал, считал правильным). Поздравив певицу, я сказал: "А "Запорожца" Вы споете на следующем юбилее". Так и случилось десять лет спустя...

Некоторые говорили: "Да, ее Одарка хороша, но... это легкая самоигральная роль". Нет! Когда Сергиенко не стало, признанные примы, народные артистки не смогли даже приблизиться к ее успеху в этой (да и других) опере. И она, и ее любимый Карась Е.Н. Иванов неповторимы.

...Мы с Р. М. не были близко дружны. У меня нет ни одной фотографии с ее автографом (горжусь благодарными упоминаниями обо мне в ее дневниках, но не решаюсь их воспроизвести — слишком лестны). Мне было приятно, что сумел подарить ей грампластинку, где запечатлены ее Наташа в "Русалке" и Сантуцца в "Сельской чести". У Сергиенко этой пластинки не было. Жаль, что это ЕДИНСТВЕННЫЙ диск замечательной певицы. Я пытался подвинуть Раечку на другие записи. Даже договорился с главным редактором фирмы "Мелодия" А.А. Карповым о ее приезде в Москву, наметили программу записи на диск "Гигант" мировой и украинской классики, но Р. М. не могла поехать в Москву — снова: "Как оставить дом?". Договорился о записи в Киеве, но и туда она не поехала... Очень обидно.

Она никогда не отказывалась от поездок в колхозы, на заводы, в воинские части. Не отказывалась и от маленьких ролей. Так, в опере В. Губаренко "Вий" народная артистка страны Сергиенко исполняла даже безымянную роль, обозначенную как "Нянька панны" (не знаю, что чувствовала при этом сама Раиса Михайловна, но мне было больно за нее: талант певицы и актрисы был достоин совсем иного применения).

К ней, к счастью, придет "вторая молодость": роли Любки, а затем Хиври в "Семене Котко", царевны Софьи в "Петре I", Сусанны в "Хованщине", роли матерей в "Семье Тараса", в опере "В бурю", в "Наталке Полтавке" (в молодости она пела партии дочерей этих героинь). Сергиенко по предложению дирижера Д.И. Сипитинера успешно вошла в старый спектакль "Царской невесты", создав запомнившийся образ Сабуровой. Ее последняя премьера — Ковалиха в "Незражденій любви".

Всего было спето Сергиенко около сорока партий, но они не исчерпали возможностей певицы. Она могла бы быть интересной Кумой ("Чародейка"), Февронией ("Китеж"), Иоанной ("Орлеанская дева"), Катериной Измайловой ("Леди Макбет Мценского уезда"), Анной ("Украдене счастья"), Хозяйкой корчмы в "Борисе Годунове"... Последняя роль была вполне реальной, но в ней отказали, ссылаясь на то, что партия написана для меццо-сопрано. А спела Хозяйку... сопрано, правда, жена главного режиссера. Это была последняя и особо горькая обида...

...Сергиенко унесла тяжкая "болезнь века". Остались хорошие воспоминания о хорошем человеке, большой певице, имя которой вошло в историю консерватории, театра оперы и балета, города, да и всей страны, а главное — оно в сердцах тех, кто имел счастье слушать и видеть Раису Михайловну.

О преданности почитательницы. В последний путь Раису Михайловну собрала добрый друг Инна Мер, ныне живущая в Израиле. Это ли не подвиг почтения и любви?..

После кончины певицы я трижды проводил вечера ее памяти на собраниях Театрального общества. Увы, театр забывает своих корифеев. В последний раз откликнулся только один певец — Анатолий Капустин, ее коллега, которому судьба даровала достойное творческое долголетие. К слову, Сергиенко любила с ним петь. На юбилейном спектакле 1975 года ей предложили другого тенора, она с огорчением рассказала мне об этом. Я почти заставил ее настоять на своем — издавна такое право негласно закреплено за бенефициантом. Дирекция подчинилась.

Из театра на вечер памяти не пришел и концертмейстер. Анатолий Трофимович спел арию Каварадосси а капелла! Из публики вышла скрипачка Алла Михайловна Семенцова и впервые в жизни сыграла партию фортепиано — арию Петра из "Наталки Полтавки" Капустин пел уже в ансамбле... Без единой репетиции. Благодарный зал принимал исполнителей не просто тепло — горячо. И в этом был ответ таланта незабвенной нашей "Раечки".

